

УДК 330.16

В.Д. Кулигин

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ ОБМЕНА

Аннотация. Обмен и разделение труда являются продуктом деятельности. Эта структура возникла естественным путем. Она рассматривается как объективный результат и предпосылка деятельности. Эта предпосылка не может быть устранена. В рамках этой структуры деятельность носит непреднамеренный и непредвиденный характер. Поведение агентов рынка и выбор ими решений находятся во власти неопределенности.

Ключевые слова : разделение труда, обмен, объективность, экономический субъект, неопределенность.

Vassily Kuligin

OBJECTIVITY AND UNCERTAINTY IN THE RELATIONSHIPS OF EXCHANGE

Annotation. Exchange and division of labor is the product of the activity. This structure has emerged in natural conditions. It is examined as objective result and the premise of activity. This premise cannot be eliminated. Within framework of this structure the activity has unintended and unforeseen character. A behavior of the market agents and the choice of decisions by them are in authority of uncertainty.

Keywords: division of labor, exchange, objectivity, economic subject, uncertainty.

В своей деятельности рыночные агенты сталкиваются с проблемой объективности и неопределенности. Люди не изобрели условия своей жизни. Они появились в процессе эволюции естественным путем, спонтанно. Эти условия стали реальностью, частью которой индивиды себя не ощущают и которую не могут понять. Стихийно возникший порядок выступает в виде обособившихся, внешних для акторов правил и обстоятельств. Индивиды ощущают и интерпретируют подобную упорядоченность как противостоящую, навязанную извне и неподвластную им внешнюю силу. Одних аксиом индивидуальной рациональности и совершенной конкуренции недостаточно для понимания стихийного порядка, функционирующего как единое целое. Поток непрерывного «созидательного разрушения», совершающийся методом проб и ошибок, неизбежно связан с предположениями, рисками и неопределенностью.

Объективность рыночной структуры. Деятельность – это энергия, проявление активности, физической или умственной, деятельного, действующего агента. Она постоянна и не может быть остановлена. Результатом активности является действительность. Как субстанция, она «чистая деятельность», «чистая формообразующая активность» [4, с. 257, 260]. Будучи бестелесной, бесплотной, деятельность принимает объективную форму. Она всегда придает форму вещам, т.е. предстает в качестве наличного бытия. Проявляя себя таким образом, деятельность становится реально наблюдаемым фактом, в отличие от научной абстракции.

Деятельность осуществляется в рамках разделения труда, которое задает и определяет ее форму. На сегодняшнем уровне понимания реальности и разделение труда и обусловленные им отношения обмена считаются фундаментальными категориями [7, с. 149, 184]. Предполагается, что эта структура появилась естественным путем, т.е. не была результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей ее последствия [11, с. 76–77]. С таким выводом А. Смита был согласен и К. Маркс [6, с. 116]. Никто специально не ставил себе цель создать обмен и разделение труда, заранее предвидя их влияние на хозяйственную жизнь.

Действительно, обмен и разделение труда не были продуктом сознательной деятельности. Нам неизвестны факты, что обмен и разделение труда сначала возникли в сознании, а затем, приняв форму какого-то проекта, воплотились в реальность. Сконструированное в сознании не предшество-

вало появлению разделения труда и обмена. Последний стал преобладающей формой не в силу осознания и разумного понимания тех выгод, которые он мог бы принести. Мы не изобрели условия своей деятельности [16]. Они всплыли в процессе эволюции естественным путем, спонтанно. С этой точки зрения деятельность, ее возникновение и структура объективны и не зависят от воли и желания людей. Сложившиеся обстоятельства стали реальностью, частью которой индивиды себя не ощущают и которую не могут по-настоящему понять. Эти обстоятельства, по-видимому, могут рассматриваться в качестве объективных предпосылок, которые задают форму деятельности индивидов.

Человек смог развить разделение труда, опираясь на многократно проверенные и испытанные установления и правила. В своих решениях он руководствовался теми непосредственными последствиями своих действий, которые он осознавал. Эти последствия его волновали, и не были для него безразличны [15, с. 18]. Не выходя за рамки сложившейся реальности обмена, он натолкнулся на систему цен, не имея о ней ни малейшего понятия. С ее помощью стало возможным не только разделение труда, но и скоординированное использование ресурсов, основанное на разделенном знании [15, с. 106]. Но и механизм ценообразования не является продуктом человеческого замысла. Направляемые им люди обычно не знают, что заставляет их делать то, что они делают [15, с. 105]. Точно также как сами рыночные сделки и их добровольность, взаимная выгода от координации актов обмена, приводящая к общему благу, в полной мере не осознавалась его носителями.

Ни разделение труда, ни обмен не заключают в себе никакого природного субстрата. Это всего лишь абстрактные характеристики естественно возникшей и сложившейся структуры, ее элементов, связей и отношений упорядоченности (информации). Но деятельность проявляет себя не только в форме наличного бытия. Представляя собой бесплотную и бестелесную субстанцию, не имеющую физической формы, она включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности. Ее неотъемлемой характеристикой является осознанность [14, с. 151].

Стихийно возникший порядок, который определяет структуру деятельности, воспринимается, таким образом, как изначально заданный. Он – порождение деятельности, результат предшествующей эволюции. В то же время этот порядок выступает в виде обособившихся, внешних для акторов правил и обстоятельств, воздействующих на их поведение. Индивиды могут ощущать и интерпретировать подобную упорядоченность как противостоящую, навязанную извне и неподвластную им внешнюю силу, которую они не в состоянии контролировать. Ни один из индивидов не в силах защитить себя от присутствия стихийно возникшей связи всех со всеми. Как только он вовлечен в отношения с другими людьми, он утрачивает свободу и становится частью неумолимого потока. «Человеческие поступки, – пишет И. Берлин, – могут показаться свободными от социальной обусловленности, но они не свободны, они не могут быть свободны, они – часть этой самой обусловленности» [1, с. 214]. Реакция на присутствие внешней силы требует от ее носителей дополнительных усилий и, как им кажется, ограничивает свободу действий.

Существующие связи, вероятно, не могут быть по собственному желанию изменены волевым путем, так, как хотелось бы это индивидам. Во взаимоотношениях агентов проявляются определенные закономерности, которые невозможно преодолеть или каким-то образом обойти с помощью ухищрений разума. Эти закономерности нельзя «изъять» из повседневной практической деятельности. Представляется, например, что никакими усилиями властных органов, без тяжелейших для общества последствий, невозможно устранить разделение труда и базирующуюся на нем глубокую специализацию. В равной мере это относится и к основанному на разделении труда обмену, связывающему индивидов друг с другом. Обычно в таком случае говорят о независимости и объективности существующих установлений и стоящих за ними сил, соблюдение действий которых и подчинение им в интересах самих акторов. Именно через стихийные социальные силы индивидуум тво-

рит вещи, недоступные его пониманию [16, с. 291]. Подчиняясь определенным правилам, индивиды формируют общественный порядок, благодаря которому и возникла цивилизация.

Такое знание не имеет ничего общего с преднамеренным управлением в соответствии с так называемыми научными принципами. С точки зрения рационалистического конструктивизма, сознательное следование стихийным рыночным силам и их использование представляет собой нечто не заслуживающее уважения разумных существ. Ведь оно не осуществляется по заранее задуманному плану, не направляются четким замыслом человеческих устремлений. Людям кажется, что разумному существу недостойно подчиняться в своей деятельности сложившимся моральным и правовым нормам, которые они не вполне осознают. Мы лишь медленно и постепенно начинаем понимать, каким образом правила, которым мы повинемся по традиции, формируют социальный порядок. Необходимость следования этим правилам и их назначение нам так и не удалось постичь [16, с. 310–311]. Цель этого постижения сводится к осмыслению и уяснению необходимости позволить индивиду руководствоваться в своих действиях теми непосредственными последствиями, которые он осознает и которые его волнуют. Не заставлять индивида делать то, что представляется надлежащим кому-то, кто будто бы обладает более полным пониманием значения его действий для общества в целом [15, с. 18]. Другими словами, важно освободить заключающиеся в рыночной структуре имманентные силы развития. Отказаться от попыток ускорить их действие. Об этом они позаботятся сами.

Структура социального целого. Присутствующий в концепции «невидимой руки» порядок, недоступный пониманию человека, становится прототипом модели, на которой основываются попытки разрешить проблемы устройства весьма сложных систем [16, с. 72]. В этой парадигме рассматривается закономерная связь двух (или более) особенных индивидов. Эта связь превращает индивидов в моменты одного и того же конкретного, реального единства. Последнее представляет собой совокупность различных особенных моментов. Всеобщее выступает здесь как закон или принцип связи таких деталей в составе некоторого целого [3, с. 273].

Воссоздание структуры социального целого из его частей К. Менгер считал основной задачей теории. В интерпретации Ф. Хайека этот процесс выглядит следующим образом. Необходимо свести сложные явления хозяйства к их простейшим элементам, доступным точному наблюдению. После этого приложить к каждому из этих элементов соответствующую их природе меру. Установив эту меру, снова показать, как сложные явления закономерно развиваются из своих элементов. Именно с этим К. Менгер связывал природу общественных явлений, истоки и характер возникающих социальных институтов. Такой подход к воссозданию сложных рыночных структур позднее стал известен под названием методологического индивидуализма. В то же время К. Менгер, по замечанию Ф. Хайека, четко осознавал, во-первых, необходимость прослеживания того, что теперь называют непреднамеренными последствиями отдельных действий и, во-вторых, что в этом процессе нельзя разделять генетические и функциональные аспекты [16, с. 98–99].

Использование рационального поведения индивидов в качестве наблюдаемых и знакомых элементов для построения моделей возможных конфигураций сложных структур предполагает доступ к полной информации о поведении каждого отдельного актора. К. Менгер и его последователи сознавали, что получить такую информацию невозможно. Но, по их мнению, понимание значения наблюдаемых действий и опора на такое интроспективное знание дает достаточно полный перечень различных типов вероятного индивидуального поведения и даже достаточно знание вероятности возникновения определенных типичных ситуаций. Отталкиваясь от этих известных элементов, можно будет показать, что они ведут к образованию структур с определенными свойствами и пределы, в которых эти структуры могут варьироваться. Именно так поступает исследователь в процессе своих теоретических построений. Он стремится обнаружить, а затем выделить в реальной действительности

отдельные элементы, установить между ним причинно-следственную связь, а затем пытается соединить их в осмысленное целое [15, с. 86–87].

При таком подходе едва ли возможно предсказывать отдельные события или изменения в сложных структурах. По мнению Ф. Хайека, для этого необходимо знать не только типы отдельных элементов, из которых состоят сложные структуры, но и специфические свойства каждого элемента, входящего в состав особой структуры [16, с. 126–128]. Представляется, однако, что одного этого не достаточно. Так при анализе равновесия попытка использовать поведение отдельного человека для объяснения взаимодействия множества отдельных индивидов наталкивается на трудности. В этом случае мы «переходим в иную сферу и молча вводим новый элемент совершенно иного свойства» [15, с. 43]. Ф. Хайек не разъясняет здесь, что это за сфера и каково содержание нового элемента, обладающего совершенно иным свойством. Он лишь говорит о том, что смысл, вкладываемый нами в понятие равновесия, описывающего взаимозависимость разных действий одного и того же человека, «не позволяет непосредственно переносить это понятие на отношения между действиями различных людей» [15, с. 45–46]. Некоторое представление о специфике возникших трудностей дает следующее утверждение автора. Характер сложно организованных структур зависит не только от свойств отдельных составных элементов и относительной частоты их проявления. Он также обуславливается способом связи этих элементов друг с другом [15, с. 367]. При этом остается все-таки неясным, каким образом обособленные части (отношения, из которых мы выстраиваем структуру), и которые хорошо нам знакомы и понятны, образуют единое целое [15, с. 86]. Иными словами, каким образом единство целого сочетается с автономией отдельных частей этого целого.

Эта, по мнению Ф. Хайека, центральная проблема экономической теории, формулируется им следующим образом. Как «спонтанное взаимодействие множества людей, где каждый обладает только небольшой крупицей знания, порождает такое положение дел, ...которое могло быть создано лишь под сознательным руководством некоего существа, обладающего совокупным знанием всех индивидов» [15, с. 62]. Можно предположить, что все части получают через систему цен информацию о состоянии целого. Каждая из них представляет полное целое, поскольку источник информации для всех один и тот же. Это объединяет индивидов, делает их едиными с целым. Вероятно, именно этим обусловлено единство целого. Вместе с тем в условиях разделения труда и разделения знания [15, с. 61–62], отдельные части обособлены друг от друга. Они автономны на тех уровнях, где независимость должна соблюдаться. Каждый индивид располагает своими собственными, только ему известными источниками знания. Это делает возможным использование при принятии решений рассеянных в обществе знаний, которые существуют только как знания отдельных людей [15, с. 18; 12, с. 157–161, 215–218]. На этой основе формируются субъективные оценки индивидом того, что является для него более важным, ценным. Использование информации локальных источников является обязательным для нормального функционирования и развития целого.

По-видимому, с этим связана еще одна трудность, на которую указывает Ф. Хайек. Она состоит в выявлении и фиксации конкретных фактов. Мы не в состоянии определить эти факты. В результате наша способность предсказывать будет ограничиваться лишь самыми общими характеристиками ожидаемых событий. Она не будет распространяться на предсказание отдельных индивидуальных случаев. А это означает, что существуют абсолютные препятствия для предвидения конкретных явлений. Человек не может приобрести полного знания об общественном порядке, которое позволило бы ему получить власть над событиями [15, с. 377]. Рассмотренный выше подход, по всей видимости, показывает, что одних аксиом индивидуальной рациональности и совершенной конкуренции недостаточно для понимания функционирования экономики как единого целого. Учитывая многообразие индивидуальных различий в субъективной оценке бесконечно большого числа обменываемых положений, довольно трудно представить способ их сведения к единому целому. Возможно,

именно это обстоятельство дало основание для заключения, что целое не может быть получено из отдельных частей [5, с. 96].

Деятельность и неопределенность. В силу своей природы рыночные сделки повышают благосостояние участвующих в обмене контрагентов. Но это не отменяет того факта, что результаты сделок носят непреднамеренный и непредвиденный характер. В современных развитых странах деловая активность сосредоточена в частном секторе, который распределяет и использует ограниченные ресурсы. Агенты этого сектора являются главной движущей силой рыночного процесса. Это означает, что все инновации, экономические, организационные и технологические, рождаются и продвигаются, прежде всего, в конкурентной борьбе предпринимателей частного сектора. Соперничество сопровождается незаметным, идущим исподволь процессом возникновения и налаживания новых связей. Развитие предпринимательских навыков, их разнообразие и децентрализация, обеспечивающие инициативу снизу, придают необходимую динамику хозяйственным процессам, без которой нет роста. Преследуя свои частные цели, которые состоят в максимизации долгосрочных прибылей и недопущении банкротства, предприниматели оказываются гарантами общественного блага, а именно экономической стабильности [9, с. 102–103]. Функции государства и вектор экономической политики могут лишь содействовать активности постоянно создаваемого нового бизнеса, но не способны заменить ее. В этом смысле мы полагаемся на рынок.

Ключевая роль предпринимателя в создании добавленной стоимости делает процесс экономического развития непредсказуемым. Невозможно предвидеть появление инноваций и оценить их влияние на ход хозяйственной активности. Нельзя заранее все просчитать, предусмотреть и рационально, опираясь на соображения логики, определить последовательность шагов, ведущую к достижению предполагаемого конечного результата. Не существует никаких гарантий и невозможно забежать вперед и подготовиться к внезапным резким изменениям рыночной конъюнктуры. Отсутствует заблаговременно известный порядок следования событий, а потому не может быть никакого, заранее составленного, первоначального плана действий. Выражаясь словами И. Берлина, возникающая конкретность формируется сама собой, без всякой видимой закономерности [1]. Последовательность слабо связанных между собой событийных цепочек, выглядит как череда случайностей, чьи причины и следствия по большей части не обнаружимы и непредсказуемы. «Мы ничего не знаем о причинно-следственных связях, но эти связи существуют независимо от того, замечаем мы их или нет» [1, с. 202, 215].

Продвижение в будущее, которое невозможно предугадать, совершается методом проб и ошибок. Оно не боится от возможных неудач и банкротства. Конкретное содержание потока непрерывного «созидательного разрушения» Й. Шумпетера не может быть объектом целенаправленного контроля. Оно определяется преимущественно случаем. Конечный результат спонтанного порядка в значительной степени зависит от непредвиденных обстоятельств, которыми никто не в состоянии управлять [15, с. 202, 215]. В отличие от неопределенности риски поддаются оценкам и расчетам. Вполне вероятно, что современный финансовый кризис связан с неверной оценкой рисков частным сектором, неполнотой и недостаточностью динамизма используемых для этого моделей. По мнению М. Спенса, это привело к провалу не только регулирования, но и саморегулирования. Если бы саморегулирование существовало, говорит он, то оно уменьшило бы величину пузыря и кредитного плеча и позволило бы избежать крутого пике. Однако во время нынешнего кризиса этот защитный механизм саморегулирования оказался полностью несостоятельным [11, с. 215].

Не вдаваясь подробно в обоснованность приведенных выше доводов, необходимо, тем не менее, отметить следующее. Во-первых, имплицитно допускается, что саморегулирование должно существовать всегда, независимо от степени, масштаба и последствий государственного вмешательства в функционирование частного сектора. Очевидно, что это не так. Во-вторых, сам факт кризиса явля-

ется свидетельством саморегулирования рыночного механизма. Он указывает на необходимость устранения тех причин, которые, в конечном счете, привели к глубокому расстройству процессов координации обмена. Безусловно, внесение корректив, требующее времени и средств, связано с большими издержками. Но это уже другой вопрос.

Что касается неопределенности, то она не поддается оценке. У индивида нет информации о будущем, потому что отсутствует результат действий. Иными словами, нет самого объекта отражения, а значит и опыта его познания. Можно предположить, что в каждый данный момент субъект рынка создает то, что ждет его в будущем. Однако будущего, как такового, нет. Оно проявляется настоящим.

До появления самого объекта, по-видимому, нет никаких шансов получить информацию о нем. В этих условиях поведение агентов и выбор ими решений находятся во власти неопределенности. «Невозможность предугадать выгоды и издержки, – пишет в этой связи Дж. Мокир, – играет ключевую роль в политической экономии новых знаний» [8, с. 312]. Стремление снизить издержки или сократить убытки, обменяв их на будущие потенциальные выгоды, носит, таким образом, непредсказуемый для агентов характер. Его исход для них неизвестен.

В то же время естественный процесс «созидательного разрушения» не может быть остановлен. Он продолжается независимо от степени и глубины осознания индивидами последствий своих собственных действий. На уровне всей экономики результаты зависят, в конечном счете, от совокупности принимаемых индивидуальных решений. Эти решения могут интерпретироваться как результат взаимодействия индивидуальных предпочтений и ситуации выбора [2, с. 18]. Что касается реального процесса координации, то, по замечанию Х. Уэрто де Сото, его нельзя считать проявлением ни несовершенства, ни провалов рынка. Фактически он представляет собой самую естественную черту реального мира. В любом случае действительный рыночный процесс превосходит все доступные для человека альтернативы [13, с. 141]. В конечном счете, феномен отсутствия знания и невозможность предвидения являются, по-видимому, всего лишь необходимыми условиями проявления свободной воли агентов рынка.

Библиографический список

1. Берлин, И. История свободы. Россия / И. Берлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с. – ISBN 5-86793-133-1.
2. Загадки экономического роста : движущие силы и кризисы – сравнительный анализ / Пер. с польск. ; под ред. А. В. Куряева. – М. : Мысль, 2016. – 512 с. – ISBN 978-5-244-01178-4.
3. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика : Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков – М. : Политиздат, 1984. – 320 с.
4. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1991. – 464 с. – (Мыслители XX века). – ISBN 5-250-01302-3.
5. Кэссиди, Дж. Как падают рынки. Логика экономических катастроф / Дж. Кэссиди; пер. с англ.. – М. : Международные отношения, 2014. – 520 с. – ISBN 978-5-7133-1460-6.
6. Маркс, К. Капитал. Т.1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. в 50 т. Т.23. – М. : Госполитиздат, 1960. – 907 с.
7. Мизес, Л. фон. Человеческая деятельность : трактат по экономической теории / Л. фон Мизес ; пер. с 3-го испр. англ. изд. – Челябинск, 2008. – 878 с. – ISBN 978-5-91603-002-0.
8. Мокир, Д. Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний / пер. с англ. ; под ред. М. Ивановой / – М. : Изд. Института Гайдара, 2012. – 408 с. – ISBN 978-5-93255-348-0.
9. Сален, П. Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов / П. Сален; пер. с фр. – М. : Изд. Института Гайдара, 2015. – 272 с. – ISBN 978-5-93255-412-8.
10. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; пер. с англ. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с. – ISBN 978-5-699-18389-0.

11. Спенс, М. Следующая конвергенция : будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / М. Спенс ; пер. с англ. ; под ред. О. Филаточевой. – М. : Изд. Института Гайдара, 2013. – 336 с. – ISBN 978-5-93255-356-5.
12. Тоффлер, Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М. : АСТ Москва : ПРОФИЗДАТ, 2008. – 569 с. – (Philosophy). – ISBN 978-5-17-044872-2.
13. Уэрта де Сото, Х. Австрийская экономическая школа : рынок и предпринимательское творчество / Хесус Уэрта де Сото ; пер. с англ. ; под ред. А. В. Куряева. – Челябинск : Социум, 2011. – 202 с. – ISBN 978-5-91603-044-0.
14. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
15. Хайек, Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. Хайек ; пер. с англ. ; под ред. Р. И. Капелюшников. – Челябинск : Социум, 2011. – 394 с. – ISBN 978-5-91603-030-3.
16. Хайек, Ф. фон. Судьбы либерализма в XX веке / Ф. фон Хайек ; пер. с англ. ; под ред. Т. Даниловой и А. Куряева. – М. : Челябинск : ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2012. – 337 с. – ISBN 978-5-91066-050-6.